

Алексей Пельвех

нашу дневную бессонницу в стане слепых
наше позорное бегство из сизых кобылах

наше отечество без пророчества, — все в прошлом, —
наше четырежды и никуда перекирестков,

наше ничто человеческое, — мелочь желаний,
ни биография, ни — просто — био, —

наших мэтров с руками умно умытыми,
нашу египетскую немоту — мумии звуков,

мертвую душу мою без покупателя, нам
мел бумаг — мел предсмертных рубаш

только ты понимала, Ирония,
подлая меня.

78

В саду папирус перепонок
спяще чешуек, черепица.
В саду задумался ребенок —
уже секунду не резвится.

Под ним геенна перегибная!
И червь из Тартара в траве!
А он осознает иное —
иное небо в голове!

76

Уже болит в душе полин.
Зовите доктора Годо.
Кто в самом деле петль ведет?
В самом дурацком деле, — кто?

Ну был бы я винельный мэтр
и в жирном манере /манр "вилят"/
вещал куда подует ветер
и продавался нарасхват!

Или божемный был бы монстр,
стереотипно бородаст
и лыжами на Запад востр,
и бабам — друг и брат и бард!

Но мне никак повезало:
под эти дудки не пляшу —
на двух я выбрал третье зло
и буквы никому пишу.

Как на скале — сто лучах лет!
Как в келье — человек-паук!
И — клекот философских флейт!
Пир Балтезвара — бисер букв!

до звона раковин улитных, —
Нарцисс чернильного ручья!
Но вспомни близких и смелых —
и речь возмстиму ничья!

Ничья, как воздух, если — вздох,
как современников судьба.
И поэтический восторг
есть отрицание себя!

Уже и ухвс? Что ж, уже
заточены карандаши.
Уже глагол болят в душе!
На всю Вселенную души!

81

Иглы иная на птичьих
сквозняках — зарниц зенозы?
Или в небесах античных
медлит гарпии-стрекозы?

Ни души, ни бесов Дента
 в биографии ребенка.
 Делать жалкий.
 Тлен таланта.
 Только воздуха воронка.

75

ЭКЛОГА

Одна из лучших, самых красивых, зорь над лугом.
 Вот ветер проносится с ему присущим звуком
 над изобилием зеленых, синих трав.
 За горизонтом слышны топот копыт.
 Как метроном, постукивает кнут.

Как одуванчик, пролетает парашют.

Епион, из рядовых, под номером трехзначным,
 себя поздравил с приземлением удачным...
 Вдруг, сердцем чувствуя наличие пропах,
 решил проверить недвусмысленный бег.

На почву ставит, как зеницу, чемодан.
 "О горе мне, — воскликнул, нервно шуршит карман, —
 покуда, как паук, старательно перил,
 я зависшую микро-кишку обронил!
 Погибли адресе конспиративных явок!
 И вкусные пароли... например, "купите яблок!"
 Мне страшно... башмаку готовит петля злая,
 и нос трепещет на лице как белый флаг!
 И этот ветер!.. За горизонтом возглас птицы!.."

Епион внезапно слышит свист цевницы.
 Приблизился из звук, развел кустарник, зрел:
 как лампочка, на почве огонь горит;
 пред пламенем младенец прыгает и видно, что —

Ванятка;

за поясом кнута желтеет кожаная рукоятка;
 глаза стеклянные; как мокрый мел, власы;
 как медный бубонец, на нее прыгают часы;

Не много знал — состарился однако.
Не много — и дышит некто смертный.

Дневные сумерки. Небесный свет
слыду напоминает или пламя.
И время выкликая... Аи — отклика и нет
под изумрудными, как прежде, тополями".

Так восклицает иностранец, все не зная.
Во все лазурные глаза безмолвствует дитя.

75

БЕГЛЕЦ

Полковник-благгур, слуга всему,
что отвечает государству "да",
стоял на стуле, не имея роста.
Он обречался к нам:

"Один из нас
сомел с ума, намыливая пол
по двенадцать пять часов в течение суток.
Не вынесла дурацкая Психея.
И был, конечно, слаб здоровым телом.
Короче, в неизвестном направлении
отсутствует и отлучке самовольной.

Наш полк считался полк обыкновенный:
перед казарм, бивлуки барабанов
и далеко вокруг синеват елки.
Именно в елках и в одних стенах,
по данным подлых местных ребятшек,
скитался идиот-одноподчинный.

Воскликнула тревогу наша рота
и села в многоместные машины!
Ревел мотор и воздух очень был!
Потом мотор умоли. Полковник вылез
и указывал время и место сбора.
Мы выстроились цепью и пошли
зукать дурака в тех самых елках.

И я, как все, викал дурака!
Как все, прочесывал пустынный ельник.
Потом вокруг замеселел ольшаник.
Потом забрался по ушам в малинник
и перестал вукать /рот стал зенит/.

Внезапно куст раздвинулся как веер.
Воздушным шогом выпорхнули трое.
Ни думали, ни долго. Получил
удар в центр лба. Упал я на затылок.
Поднялся и пошел, куда вели.

А привели, понятно, к месту сбора.
Там все собравшиеся заселились.
Оказывается, еще две роты
приехали одновременно с нами!
То есть примерно триста человек
на площади в один квадратный ельник
искали некоего идиота...
Даже лица его не знал толком.

Мои три конвоира хохотали
вприсядку, — свпоги — аккордеоны!
Плохо выкинул полковник в смыслы смеха.
Как мог, орал на всех. Я улыбался.
Во лбу горела красная звезда.

Поехали на солоно искавни!
Ревел мотор! Вып воздух! Лоб болел...
как тыква! Поделом. Не буду боле.
Чего не буду? Ничего не буду?

Здоровые товарищи солдаты —
все лично от меня ждали слышать,
как было дело. Дохотели. Встопил...
В самом дурацком деле: "ха-ха-ха".
И кое-как доковылял до коек.

Черт чернильный на бумаге,
никому не современник,
блуждает в страхе и отваге
в смертных, но — стихотвореньях!

Бот курлыкают куринты.
Возвращаясь в оболочку.
Вдумчиво и вккурратно
напиши простую точку.

О, талант, талант, конечно!
Но и только. Очень скучно.
Человеческое нечто
неужели и не нужно?

"Виноград Антикореонта"!..
Бьет будильник. Все там будем,
пролетарият-инфанта,
комер смерти, было буден.

79

О моя жизнь, дурачок подставной,
мальчик Алеша с фаллическим носом,
с голосом хриплым и медной струной,
с личным, — конечно, о смерти, — вопросом

в белый, бессмысленный лист немоты, —
формул извне оминая очами, —
о мой второй и единственный Ты!
Только никто и никто отвечает.

78

Огни и погасли и потухли.
Значит, стало и темно и поздно.
Все отринули штаны и туфли.
На жену поглядывает грозно.

Бот легли в затылок на подушку
как солдаты Древнего Египта.
Сни, дружок, и не буди подружку
до утра, до радио, до гимна.

80

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦА

Голубым бревном луче
в лоб младенцу бьет Луна!
Он очнулся, трепеща.
Бидно, получил сполна.

О Луне, нежданно сей
лоб, невинный лишь не вид!
Сколько /миллион/ скорбей —
станет стерше — претворит!

Пусть почувствует он лбом,
что замыслил он в мозгу!
Голубым ему бревном
в темя! Или по виску!

О, трепещет, озарен!
Не забудет и вовек.
Сни,

 быть может, взвзумлен,
Церь Вселенной, человек.

81